

Механизм преобразования жизни

Владимир БОЖАНОВ,
доктор исторических наук, профессор

В обществе распространено убеждение, что научной доказательностью обладают только точные, обусловленные законами природы области человеческого бытия. А все то, что скрыто в человеке, – произвол догадок и недоказуемых конструкций. Это касается и философии, и социологии, и экономической теории, и политической науки. Причем последняя подвергается наиболее решительному отвержению, так как задевает реальных людей в их повседневной жизни. Как заметил В.И. Ленин, если бы теорема Пифагора затрагивала интересы людей, то и она подвергалась бы сомнениям. Такова судьба гуманитарных (общественных) наук в целом.

В отношении понятия «политика» каждый исследователь формулирует свое мнение. Все позиции имеют право на существование, и каждый автор волен предложить собственную. Однако любое из определений политики оставляет завесу неопределенности. Размышление российского политолога профессора А.И. Соловьева об отсутствии в современной политике единого однозначного и общепризнанного ее определения отнюдь не пессимистический взгляд, а понимание невозможности в науке достичь «до дна». Поэтому нам придется мириться с некоторым разбросом мнений. Ведь сосуществуют в математике две противоположности – геометрия Евклида и геометрия Лобачевского. Приходится и физикам смотреть на оптику одновременно с по-

зиций корпускулярной и волновой концепций. При таких разных толкованиях и математика, и физика остаются, бесспорно, науками. А последнее подтверждение догадки великого Эйнштейна об искривленности пространства и времени (прости, Ньютон!) заставляет формулу расчета скорости $V=S/t$ уточнять в искривленном пространстве Вселенной, а обобщенную картину мира выстраивать по закону квантовой теории.

Но, конечно, пороговые области явления политики должны быть определены, иначе понятие «политический» теряет смысл. И тогда, действительно, ни Платон, ни Вебер не смогут быть нашими собеседниками в области науки о политике, но, что еще хуже, политологи друг друга перестанут понимать. Зафиксировав реальную определенность понятия политики, мы приобретаем ясный предмет изучения для дальнейшего постижения его истинности в пространстве и времени.

Появление политики связано с Древней Грецией. Там она определялась как сфера общезначимых проблем, которые явно превосходили все частные дела. Именно наиболее общие, но жизненно важные интересы и потребности втягивали людей в публичные обсуждения и дискуссии. Аристотель нашел этому явлению подходящее определение – политика. И хотя в его версии институт государства стал пределом политики, все же этот предел явился, по его мнению, результатом расширяющихся взаимоот-

ОБ АВТОРЕ

БОЖАНОВ Владимир Александрович.

Родился в 1946 году в г. Таганроге Ростовской области (Россия).

Окончил Университет дружбы народов имени П. Лумумбы (1974). Был на комсомольской и партийной работе. Преподавал в Минской высшей партийной школе (1982–1987), Белорусском государственном университете (1989–1992), Академии парламентаризма и предпринимательства (1996–1998), Республиканском институте высшей школы (1998–2001), Академии управления при Президенте Республики Беларусь (2001–2003), Институте парламентаризма и предпринимательства (2003–2011).

С 2011 года – заведующий кафедрой истории, мировой и отечественной культуры Белорусского национального технического университета.

Доктор исторических наук (1998), профессор политологии (2003).

Автор более 160 научных работ, в том числе 25 монографий и учебных пособий в области истории и политологии.

Сфера научных интересов: политика, политическая власть, государство, права человека, государственность Беларуси.

ношений в обществе. Иными словами, государство – это политика не изначально, а институт, на определенном этапе развития которого общество вверяет ему значительную часть политических дел, как правило, требующих власти и законной силы.

Следует обратить внимание, что в Греции политика зарождалась на фоне свободного развития правовой мысли, философии, литературы, математики и других высоких достижений цивилизации. Ее родовыми признаками становились самоуправление, «жизнь без царей», «ясность, четкость и честность мысли», «мучительная привилегия свободы».

Центром рождения политики была экклесия, или народное собрание – фундаментальный политико-властный корпус Афинского полиса. Экклесия позволяла гражданам контролировать законодательство и управлять делами государства. Ее демократические правила порождали умение убеждать людей, чтобы получить их согласие и поддержку, то есть право на власть в решении наиболее важных вопросов [1, с. 37]. Что это за «наиболее важные вопросы»? Сохранение внутренней и внешней безопасности, крыша над головой, такой уровень благосостояния, чтобы питание не было проблемой. А для этого нужно правильно распределять ресурсы, что всегда является трудной задачей, особенно когда они в остром дефиците. В таком случае высок риск конфликтов, насилия над оппонентами, в том числе и со стороны государственной власти. Без политики власть – это авторитарность, при которой исключены диалог, принятие коллективных решений, не учитываются интересы всех. Как верно заметил польский политолог Ян Мазур, «политика не что иное, как забота о согласии в человеческом обществе» [2, с. 66]. Политика по своей природе имеет объединяющий характер, потому что она касается всего сообщества, она определяет способ и основания общей жизни. Государственная власть подчиняется политическому порядку и творит его, в ином случае она не может быть ни чем иным, как только насилием.

Власть заботит количество и виды ресурсов, которые надо распределить и перераспределить для обеспечения жизнедеятельности общества. Это достижимо только на высшем государственном уровне, где можно увидеть наиболее значимые, то есть политические, проблемы. Неслучайно американский социолог-теоретик Т. Парсонс указывал, что решение Гоббсовой проблемы социального порядка происходит на макроуровне [3, с. 24]. Сами политики могут это не осознавать. Они слишком заняты делом, мобилизацией ресурсов. Помочь им могут теоретики политики, ее аналитики. При соединении практики и теории научные труды приобретают значимость не в виде советов или какого-то плана действий, а как принципиальная позиция, как вектор движения, интегрирующий интересы, столкновения, цели, надежды, желания и т. д.

В рамках политических процедур люди учились распоряжаться ресурсами, решая весьма трудную задачу наиболее целесообразного поощрения одних видов труда и сдерживания развития других, создания жизненных ресурсов для непродуцированных, общесоциальных целей поддержания безопасности, общественного порядка, благоустройства, заботы о социальных иждивенцах (больных, инвалидах, пожилых людях и проч.), развития науки, искусства, культуры и т. д. Политический фактор удерживает вместе различные аспекты человеческой жизни, как общественной, так и частной. В этом смысле, утверждает французский академик П. Манан, политический фактор есть гарант богатства и сложности человеческой жизни [4, с. 322].

Коллективистская суть

Итак, в способности концентрировать и решать наиболее сложные проблемы социума и проявляется сущность политики, объективность ее бытия. Перераспределяя ресурсы, политика изменяет реальную жизнь людей. Однако проявиться суть политики может лишь в том случае, если ее субъектом выступают наиболее

крупные социальные группы населения, которые активны, хорошо организованы и способны к публичной конкуренции за реализацию своей политической модели на уровне государства. Таким образом, политика есть форма общественной деятельности, ориентированная на перераспределение ключевых ресурсов общества в пользу наиболее перспективных структур и совмещение их групповых интересов с общеколлективными потребностями для дальнейшего развития социума.

Если политика способствует другим целям и целей этих много, тогда возникает необходимость сформулировать саму концепцию политики, то есть признать, что политика свободна сама выбирать цели. По существу, быть самодовлеющим означает быть свободным, чтобы определять свою собственную цель. А это, в свою очередь, есть формальное условие власти. Реальная политика может для выработанных целей даже менять власть. Явная неэффективность деспотических режимов, основанных на традиционных и религиозных оправданиях, которые со временем ослабевают, происходит из-за нехватки власти в этом смысле. Отказ признать самодовлеющий характер политики препятствует созданию власти, что подвергает опасности реализацию мыслимой коллективной цели [5, р. 68, 70, 75].

Политика позволяет согласовывать коллективные интересы. Но суть не толь-

ко в этом. Согласованный интерес передается исполнительной власти и управлению для реализации. Но общество вновь накапливает новые идеи, предложения, программы, чтобы конституировать новации, исправлять, уточнять, изменять некогда узаконенный план, не позволить государственной жизни застрять во вчерашнем дне. Как подчеркивает американский политолог Д. Истон, политическая система должна уметь постоянно реагировать на сигналы внутренней и внешней среды и включать их в свои властные решения. Именно в этом случае она приобретает устойчивость. Совершенно очевидно, что политика в этом случае предоставляет обществу огромные возможности соперничества за ограниченные ресурсы, вернее, за наиболее рациональное общественное их распределение.

При этом следует помнить, что центральным вектором политики является человеческая жизнь, которая определяется не только и не столько утилитарными понятиями полезности и потребительства. Сфера человеческого бытия и сознания пронизана устремлениями к свободе как независимости от принуждения и насилия, равенству как условию для сосуществования свобод, справедливости как мерилу совместного и добровольного установления правил индивидуальной и коллективной жизни людей и в целом к осуществлению идеи общества как справедливой системы кооперации между

гражданами – свободными и равными личностями [6, с. 12].

Поэтому за политикой остается ее нормативное начало, воплощаемое в ценностных проблемах человеческого бытия. Пришло время, как считал профессор Э. Хейвуд, непреходящей ценности основных политических принципов и нормативных концепций [7, с. 15]. Однако нередко нормативная сущность политики отодвигается на задний план или вообще ставится под вопрос. Ее подменяют такими модными понятиями, как правовое государство, законность. Но право и закон сигнализируют лишь о том, что то, до чего мы додумались сегодня, завтра уже не вызывает восторга и понимания. Если закон подчиняет себе общество, если политика в нормативном смысле слова ставится под вопрос, «то не только исчезает политика в нормативном смысле слова, но происходит и деградация политической сферы вообще» [8, с. 193]. Отсюда совершенно неприемлемым представляется попытка связывать политику как с созиданием, так и с разрушением, признание совместимости в ней и грязи, и чистоты, добра и зла, связывать ее как с миром, так и с кровью и насилием [9, с. 64]. Нормативно политика никак не может быть таковой, поскольку тогда политикой надо признать и погромы, и геноцид, и бандитизм, и фашизм. Но участников преступлений правомерно судят не как политиков, а как уголовников, преступивших человеческие нормы бытия. Именно обвинение против человечности было главным в отношении нацистских военных преступников, а не их политическая деятельность.

Мир политики, являясь подсистемой социума, опутан тысячами разнообразных факторов, явлений, событий, общих, частных, закономерных, случайных, правовых и неправовых. И лишь разбирая постепенно этот клубок, мы будем приближаться к пониманию политики. Становится очевидным: раскрывать ее сущность на таких традиционных понятиях, как государство, власть и властные отношения, в полной мере не удастся. Каждая политическая система, каждый политический процесс уникальны, они

требуют для своего раскрытия опоры на политическую культуру, психологию, работу различных звеньев государственного аппарата, уточнения политической принадлежности различных факторов и явлений. События зимы – весны 2011 года в странах Северной Африки и Ближнего Востока еще раз показали, сколь глубоко порой спрятаны противоречия в обществе, и народы, которые молчали на протяжении 30–40 лет, вдруг столь решительно восстали, что их не остановили ни жестокие репрессии, ни раненые и погибшие товарищи, ни житейские бедствия катастрофического характера. Еще более неожиданным стал факт, что пионером арабских революций выступил Тунис – страна с достаточно высоким уровнем жизни [10, с. 176]. Видимо, политические факторы здесь имеют далеко не стандартный, но уникально значимый характер, который не получил достойного исследования в политологической литературе.

Недовольство людей вызывает не само государство, а его нормы, структуры. Чаще всего воспламеняющим фактором является клановое использование государственных возможностей, издевательски высокомерное отношение к судьбам и проблемам людей. Идею сталкивается с реальным. Убеждать людей идейно не просто, так как мир существует для людей, живущих не идеалом, но интересом [11, с. 727]. Обычное человеческое бытие, жизнь, какова она есть, ценнее всех самых заманчивых проектов преобразований. Изменять жизнь надо, но не разрушая существующее, не тараня сложившиеся традиции, мировоззрение, быт.

Политика сегодня – это власть и управление, которые должны быть сориентированы на соблюдение, поддержание, сбалансированное отношение к перспективам обеспечения судьбы, выживания всех единиц социальности, начиная с индивида, популяции, этноса и заканчивая народом, нацией, цивилизацией в целом.

Взрывное воздействие на реальность недопустимо в политике. Политика – это средство мира, а не войны, она не долж-

на деформировать жизнь просветлениями – объективизацией умозрительных отрешенных проектов. Суть сбалансированной политики – раскрытие многосторонних элементов бытия, выяснение смысла существующего и возможности улучшений вместе с теми способами, «какими эти улучшения могут быть осуществлены без нарушения правильного течения общественной жизни» [12, с. 6]. Политика обслуживает жизнь, а не жизнь политику.

Как отличить общество в социальном смысле от общества политического? Любой разумный ответ на этот вопрос обязательно будет спорным, так как нет достаточно точного значения, чтобы реально разделить эти понятия. Есть много социальных группировок, которые не определяют понятие «общество», и есть такие, которые трудно классифицировать как «политические». Среди них, например, разнообразные миграционные, племенные и религиозные общества. Государство любым из нас без сомнений будет отнесено к «политическому обществу». Есть правительство, установленная территория, закон с принудительной правоприменительной деятельностью и т. д. Право на принуждение отличает государство от общества. Правительство как система учреждений принудительно проводит в жизнь законы, требующие мирного совместного поведения в пределах широкого диапазона важных действий: внутреннее удерживание законности и внешний контроль за безопасностью. Для этого правительство должно быть легитимным и правомочным. Однако оно может выходить за рамки законности или незначительно вмешиваться в жизнь общества, может быть законным и не справляться со своими функциями и, наоборот, быть незаконным, но реально контролировать порядок. Здесь возникают определенные трудности в различии политической и аполитической жизни. Современный исследователь А. Дж. Саймонс приходит к выводу, что политическая философия свой ответ на вопрос «Что является политическим обществом?» сосредоточивает на двух

главных «оценочных» проблемах: это надлежащее распределение политическими обществами основных социальных товаров (богатств, привилегий) и условия для законного владения властью. При этом первой проблеме придается первостепенное значение, а вторая служит главным образом фоном [13, р. 9].

Человеческое общество не может позволить действовать принципу естественной выживаемости или природных способностей. Все должны жить хорошо. Человеку для того и дан разум, чтобы выстроить общественную организацию именно таким образом.

Американский философ Дж. Ролз использует замечание Дж. Милля о том, что гражданина призывают взвешивать интересы, отличные от его собственных, и руководствоваться концепцией справедливости, общественного блага. Будучи вынужденным объяснять и обосновывать свои взгляды остальным, он апеллирует к принципам, которые являются приемлемыми для других. Более того, это воспитание общественного духа необходимо, если граждане должны приобрести позитивное чувство политического долга и политических обязанностей, то есть если индивид выходит за пределы простой готовности подчиниться закону и правительству [6, с. 210].

Политика не может уединяться. Она не удел отшельников. Политика живет на свободе площадей, в коллективных нормах и решениях, ей нужны как воздух публичность, законность, массовость, разноречивость в единстве.

Насущная необходимость развития

Условно политику можно разделить на две части: в одной части она возникает, формируется, артикулируется и агрегируется, открывает публичное поле соревновательности, идеологического обеспечения своих программ. Здесь всегда вольница идей, обещаний, планов. В другой своей части победившая модель политики приобретает статус государственной, то есть она становится

законной, обязательной к исполнению, обеспеченной ресурсами, властью, полномочиями, сроками реализации в соответствии с четко установленными правовыми и иными нормами. Некоторые исследователи считают, что в последнем случае уместно говорить не о политике, а о повседневном административном управлении. Думается, это не так. Ведь деятельность правительства нацелена не только на исполнение политических директив, но и на конструирование повседневной жизни, и демонстрирует политикам, насколько реальны и разумны их планы. Администраторы в значительной степени корректируют планы политиков, фактически занимаясь политикой, хотя и в более узком смысле. Победенные политики выявляют изъяны в государстве и вновь выносят на суд общественности свои «правильные» планы, чтобы перориентировать избирателя в свою сторону и на очередных выборах получить шанс на государственный статус.

Уже после выборов избиратели, голосовавшие кто за, кто против, начинают перемешиваться, изменяя свое мнение насчет правильности политики избранной верхушки. Именно поэтому, как утверждал немецкий социолог Р. Михельс, начинает действовать «железный закон олигархических тенденций», согласно которому правящие элиты стараются уйти от контроля даже тех, кто их избрал, и закрепить свое положение во власти. В этом случае исчезает конкурирующая политическая среда и остается государственно-властная, что ведет к исчезновению политики, ибо резко ограничивается среда выявления новых интересов и потребностей людей и новые способы перераспределения ресурсов, выдвижения новых кадров, способных использовать власть для этих интересов. Политика превращается в свой антипод – политиканство, то есть в ее извращенную форму, где уже нет диалога власти и общества, а власть обязывает население априорно принимать официальную политику как безусловно правильную.

Политолог Дж. Сартори считал, что горизонтальная политика и ее широкое

развертывание в условиях представительной демократии неизбежно сталкивается с обесцениванием ее ценностного воздействия со стороны вертикального измерения [14, с. 720]. Именно в этом случае авторитет государственной политики закрепляется репрессиями, ограничениями прав и свобод человека.

Путаница в понимании политического происходит прежде всего от смешения события с фактом. Событие является политическим, если его материя коллективна, а его истина виртуально универсальна, то есть принадлежит всем. В этом отношении событийность самой политики – это признак, отличающий ее от происходящего в других сферах жизнедеятельности общества. Следовательно, метод и стратегия политического исследования должны учитывать эту событийную природу политики. Наука о политике приобретает свою авторитетную и познавательную роль, если находит способы и методы выявления в многообразии человеческих событий явные признаки политического, отсекая факты, которые не носят его признаков. В теории это выглядит более или менее убедительно, на практике – не всегда...

В научной литературе совершенно справедливо подчеркивается, что мир политического в определенном смысле состоит из двух автономных сфер: конкретной и повседневной политической практики, осуществляемой исполнителями всех уровней в лице чиновников, функционеров, служащих государства, партий, организаций, корпораций, институтов мирового сообщества или международно-политической системы, разработки политических программ, идеологий, курсов стратегического характера на всех уровнях и принятия решений относительно путей, форм и средств их реализации [11, с. 727]. Обе связаны не просто иерархически с первенством политики. Все исполнительные структуры государства творят социальную реальность во многом самостоятельно, то есть становятся своеобразными субъектами политики через конкретно-организационную деятельность, в каждодневном контакте с

массой населения. По их действиям, как мы уже отмечали, зачастую складывается общественное мнение в целом о государственной политике, воспроизводится и развивается каждодневная социальная жизнь населения.

Выбор субъектом политики приоритетных партнеров, в пользу которых будут распределены имеющиеся у него ресурсы или же, напротив, столь же выборочно лишены этих ресурсов, и является сутью политической игры [15, с. 316].

Все существование человека пронизано бесконечными вопросами: «Зачем я живу?», «Что такое хорошо и что такое плохо?», «Какое место в жизни занимают правда, честь, совесть, любовь, насилие?». На способности к чувству справедливости зиждется человеческая общительность как реакция на действия других. Идеал справедливости состоит в изобретении справедливой политической процедуры. Современный философ Дж. Ролз считает, что общегражданские свободы, а к ним относятся свобода совести и свобода мысли, личная свобода и равные политические права, должны быть включены в конституцию и защищены ею. Без воплощения этих свобод политическая система как разновидность конституционной демократии не была бы справедливой.

Перефразируя известное ленинское определение, считаю возможным предположить, что политика есть концентрированное выражение интересов, осознанных большинством сообщества как насущная необходимость развития и подлежащих согласованию в коллективном, дискуссионном и конкурентном процессе в открытом для сообщества виде. Политическая власть – миф, бессмыслица, если в ней нет общественных интересов. Власть ради самой власти – это движение в пустоту, подчеркивает М. Вебер. Государственная власть постольку политическая, поскольку она вырастает из борьбы интересов. Политика наделяет государственную власть определенным статусом, вводя туда интересы и потребности общества. В политике бесконечен и непрерывен процесс выявления и борьбы

интересов. В государственной же власти политическая борьба превращается в свой антипод – государственную политику, однозначную, обязательную для всех, исключаящую всякую конкуренцию, выбор. Гарантом же политичности государства может быть только сама политика в ее общественном смысле, где продолжается выявление все новых и новых интересов и поиск наилучшей модели согласия по их реализации. Тогда творимое государством предстает чрезвычайно важным, но все же лишь частным, переходящим случаем мира политического.

Открыв для себя политику, человечество получило в руки мощнейший механизм преобразования своей жизни с точки зрения решения крупных проблем. Политика – это выход за пределы себялюбивой эгоистической радости, это огромная ноша, которую взваливают на свои плечи политики. «Искусство это, – утверждал Сократ, – должно делать нас мудрыми и передавать нам знание, коль скоро оно хочет быть полезным и делать людей счастливыми» [16, с. 138]. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Перкис, Дж. Греческая цивилизация / Дж. Перкис; пер. с англ. А. Озерова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 272 с.
2. Mazur, J. Ad bonum per politicam: wybrane zagadnienia z etyki życia politycznego / J. Mazur. – Lublin: Wydawnictwo KUL, 2011. – 343 s.
3. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
4. Манан, П. Общедоступный курс политической философии / П. Манан; пер. с фр. В.И. Божовича. – М.: Моск. школа полит. исслед., 2004. – 332 с.
5. Parietti, G. On the Autotelic Character of Politics / G. Parietti // European Journal of Political Theory. – 2012. – Vol. 11. – Num. 1.
6. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 536 с.
7. Хейвуд, Э. Политология: учебник для студентов вузов / Э. Хейвуд; пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.
8. Шпарага, О.Н. Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности / О.Н. Шпарага. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 242 с.
9. Гаджиев, К.С. Введение в политическую философию / К.С. Гаджиев. – 2-е изд. – М.: Логос, 2004. – 336 с.
10. Исаев, Л. Демократическая зима в Северной Африке / Л. Исаев // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3.
11. Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. пособие для вузов / Под общей ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2008. – 733 с.
12. Чичерин, Б. Курс государственной науки / Б. Чичерин. – Ч. III: Политика. – М., 1898.
13. Simons, A. J. Political Philosophy / A. J. Simons. – New York: Oxford University Press, 2008. – 180 p.
14. Сартори, Дж. Пересматривая теорию демократии / Дж. Сартори // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. 2: Зарубежная политическая мысль. XX в. – М.: Мысль, 1997. – 830 с.
15. Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 800 с.
16. Платон. Диалоги / Платон; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.